

Н.Н. ШИРОБОВА

ДАННЫЕ МОРФОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ

В данной статье выявляются грамматические формы, релевантные для этноклассификационной характеристики тюркских языков Сибири; описывается место этих форм в конкретных грамматических системах; определяются инновационные процессы в сфере грамматики, разводящие якутский язык и тюркские языки Южной Сибири.

Древнетюркские формы в сибирском ареале. При использовании данных морфологии для этнолингвистической классификации первым уровнем сопоставления является *субстантный*, т.е. наличие/отсутствие в конкретном языке форм, различающих тюркские языковые типы. Следующий уровень сопоставления – *структурный*, когда учитывается и наличие формы, и ее функция, и место в грамматической подсистеме. Наконец, должна учитываться и *динамика морфологических подсистем*: общая направленность изменений, общие закономерности развития могут сохраняться даже при различии субстантной базы и структуры описываемой подсистемы.

Соответственно, первой задачей исследования является составление списка форм, релевантных для классификации сибирских тюркских языков. Это формы, образующие общесибирские изоглоссы, и это формы, маркированные отнесенностью к одному из древних тюркских языков. В работе рассматриваются преимущественно глагольные формы, т.к. изменения в системе глагола протекают быстрее, чем изменения, связанные с именными парадигмами [Кормушин, 1984].

В области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на =а илик ~ =галак, второй общесибирской формой можно считать форму =аччу ~ =оччу, третьей изоглоссой, которую можно назвать южносибирской, является изоглосса, образуемая аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *id-*. В языках Южной Сибири он стал основой аналитической формы *T-n + ыт-/ыс-/ый-*, которая из форм с семантикой способа глагольного действия смещается в зону видовых форм.

Эти три формы можно рассматривать как инновационные, возникшие в сибирских языках как в особом ареале.

Формы на *-duq* и *-juq*. Другой объект анализа – сохранение древних (зафиксированных в тюркских языках VIII–XI вв.) глагольных форм и явлений. Как таковые могут рассматриваться причастные формы на *-duq*, *-juq*, *-gi*, *-тыf* и ряд других [Убрятова, 1976, 88–89]. Сравнение предполагает два параметра: наличие формы и место ее в системе.

Как общесибирскую можно выделить изоглоссу “наличие формы на *-gi* в свободном или связанном виде в системе глагола”. Сибирский ареал является частью более обширного ареала этого типа. В него входят: язык желтых уйгуров, узбекский, мишарский диалект татарского языка и др. Этот ареал разбивается на два субареала: субареал, в котором форма на *-gi* является одной из основных форм будущего времени (якутский, узбекский, желто-уйгурский), и субареал, в котором эта форма существует только в “связанном” виде – в составе аналитической (татарский) или причастно-падежной формы (включая в данном случае форму на *-дег* в систему падежных) в тюркских языках Южной Сибири.

На уровне древнейших текстов как маркированные выступают причастия на *-duq* и *-juq*; первое связано с орхонскими тестами, второе с уйгурскими. Для более древнего периода развития тюркских языков реконструируется полифункциональное причастие на *-duq*. Уже в первых письменных памятниках оно выступает как функционально ограниченное: в финитной позиции оно употребляется преимущественно в отрицательной форме, а в положительной употребляется только в функции зависимого сказуемого с падежными аффиксами.

В якутском языке эта форма образует форму второго условного наклонения, и одну из форм долженствовательного наклонения, но может выступать и как финитная в значении прошедшего времени [Коркина, 1970, 171–193, 262–284].

В настоящее время причастие на *-duq* является отличительной особенностью языков огузской группы, в гагаузском, турецком и туркмен-

ском оно употребляется преимущественно с отрицанием или только с ним [Щербак, 1977, 169–170].

На раннем этапе развития тюркских языков причастие на *-duq* являлось многофункциональной формой. Одну из его функций составляло употребление в значении прошедшего времени изъявительного наклонения. Однако, к письменному периоду развития тюркских языков данная функция была очень ограничена: отмечена в памятниках Кюль Тегину, Моюн-Чура, Онгинском памятнике, Ырк битиг, Кутадгу Билиг, Дивану лугат ит-турк, Тефсире [Шукуров, 1974].

Махмуд Кашгарский указывает на специфическое употребление аффиксов *-duq*. В языке некоторых племен указанные аффиксы служили для обозначения всех лиц ед. и мн. числа [МК, т.2, 65]: *ол ја курдук* 'он наложил стрелу на тетиву лука'; *олар такга агдук* 'они поднялись на гору'; *биз кэлдук* 'мы пришли'; *мэн мунда турдук* 'я стоял здесь'; *биз кэлдук* 'мы пришли'.

В Тефсире 1-ое лицо мн. ч. образовывалось с помощью *-миз* (*кылдук-миз*), в 3-ем лице прибавлялся глагол состояния *туруп*.

Прошедшее на *-дук* соответствовало значению прошедшего на *-ды*, но отмечены случаи, когда оно соответствует перфекту на *-мыш*.

В языке орхонских памятников В.М. Насилов описал 3 функции для этой формы.

1. Выражает атрибутивные признаки определяемого им слова:

Бардук йирдэ эдгүг ол эринч (КТб) 'В той стране, куда ты ходил, таково было твоё добро (счастье)';

Йандук йолта йэмэ өлти күк 'На обратном пути так же возможно погибли'.

2. Функция зависимого предиката. Принимая аффиксы падежей, аффиксы принадлежности, и выступая в сочетании с послелогоми, это глагольное имя со всей системой зависящих от него компонентов, образует подчиненные развитые члены предложения в системе сложного предложения. Субстантивированный компонент является в этом случае как бы потенциальным сказуемым.

-дук + мест.-исх. пад. > обстоят. времени или причины;

-дук + вин. пад. > эквивалент придаточного дополнительного предложения;

-дук + напр. пад. *-галы* > эквивалент придаточного цели;

-дук + *-учун* > обстоятельственный эквивалент предложения.

3. Предикативная функция: наиболее часто в Гадательной книге, всегда (во всех приводимых примерах) в отрицательной форме.

В уйгурских памятниках эта форма выступает чаще всего в различных падежных формах и образует формы зависимых предикатов. Встречаются определительные конструкции, выражающие атрибутивные признаки объекта действия.

“*Бу барс нэгу йийүр, ашадықы ашы нэгуол*” тип айыты ‘Он сказал: “Эта тигрица чем питается, пища, которую она ест, какая она”’.

В последнем примере определение выступает с аффиксом принадлежности, относящемуся к субъекту действия *ашадак-ы*. По мнению В.М. Насилова из подобных прототипов определения возникло и развилось определение из глагольных имен на *-diq, asak* в турецком языке, всегда содержащих аффикс принадлежности, выражающий субъект действия [Насилов, 1963, 45–71].

В.М. Насилов предполагает, что в функции конечного сказуемого форму на *-дук* вытеснила форма на *-мыш* [Насилов, 1963, 56].

В древнеуйгурском памятнике Алтун жарук в числе глагольных форм дана только форма на *-juk*, в функции обстоятельственной конструкции и в финитной (отрицательная форма) [Тенишев, 1953, 14].

Д.М. Насилов, анализируя форму на *-juk*, указал на ее специфическое употребление текстах. Как *verbum finitum* она в памятниках уйгурского письма встречается исключительно в прямой речи; употребление ее в авторской речи не отмечено. Такая ограниченная сфера говорит, очевидно, о том, что форма на *-juk* либо обладала совершенно особым видо-временным значением по сравнению с другими формами времени, либо имела яркую модальную окраску, которая соответствовала и реализовывалась только в прямой речи.

На основании имеющегося материала Д.М. Насилов заключил, что прошедшее время на *-juk* выражало известную категоричность совершенного действия, подчеркивало его важность, особенность, яркость; с другой стороны, указывало на исчерпанность, полноту этого действия, что и выдвигало его на особое место. Всем этим объяснялась специфика функционирования времени на *-juk* только в прямой речи. Тогда данная форма соотносилась с прошедшим временем на *-ды* (по модальному признаку) как прошедшее конкретное (эмфатическое), а с прошедшим на *-мыш* – как обычное прошедшее (т.е. не перфект) [Насилов, 1963, 12–31].

Примечательно, что в якутском языке форма на *-тах* (предположительное наклонение) может употребляться в значении, близком к значению прошедшего категорического времени на *-т* или даже совпадающим с ним, но только с осложненным дополнительным эмоционально-

модальным оттенком. Такое ее употребление особенно заметно в фольклорных произведениях (олонхо прежде всего), а так же в языке якутских писателей старшего поколения, а спорадически и в современном якутском языке. Примеры:

Орто дойдуга оҕо төрөөмүн, аал уот баһын билбэтим. Эрэй диэни энэрдэстэҕим, буруй диэни муңнастаҕым 'Родившись младенцем, не познал я на белом свете (букв.: уютного очага). Со страданием спутничал ведь я, с мучениями боролся ведь я!';

Ону көрөн баран ол дойду улуу удаҕана аймана түстэҕэ, айдаарбытынан бардаҕа 'Увидев это, великая удаганка той страны сразу волновалась, зашумела, конечно';

Бу олордохпунуна, бу доҕоор, хайа эрэ диэкиттэн дьахтар кыланнаҕа 'Когда вот так сидели (что бы ты думал), дружище, с какой-то стороны вдруг женщина пронзительно вскрикнула ведь!' и т.д. [Коркина, 1970, 271–273].

В приведенных примерах форма на *-тах* имеет оттенок явного утверждения совершенности действия до момента речи, т.е. здесь она выполняет функцию прошедшего категорического времени на *-т*, правда, сопровождаясь при этом в зависимости от контекста различными дополнительными эмоционально-модальными оттенками. Последние могут быть, по наблюдению Е.И. Коркиной, достаточно большого диапазона, они могут отражать восхищение, восторг, удовлетворение, утверждение, удивление, недовольство, досаду, возмущение говорящего лица по поводу совершенного действия.

Об использовании формы на *-тах* в аналогичных случаях в заместительной функции вместо формы прошедшего на *-т* косвенно свидетельствует и их смешанное, одновременное употребление в широких контекстах [Коркина, 1970, 271–273].

Якутский сохраняет такие функциональные особенности данной формы, какие были свойственны тюркским языкам в более ранний период, "до-орхонский". А в орхонских памятниках более свободное употребление *-duq* свойственно памятнику, в котором наблюдаются и другие особенности, сближающие его с якутским – отсутствие шипящего проточного *ш* – в памятнике Тоньюкуку.

Следы существования этой формы в финитной функции сохраняет и тувинский язык. Конструкции условно-сослагательного наклонения в тувинском образуют следующие модели: 1) *T-за + T-ар ийик(арык)*, *T-бас ийик (-базык)*; 2) *T-за/-зе + T-кай эртик*, *T-за + T-багай эртик*. В этих

конструкциях вспомогательный глагол принимает показатели прошедшего времени *-йик* < др.т. *-jiq* и *-тик* < др.т. *-diq*.

В якутском языке это одна из центральных системообразующих форм глагола, а в тувинском она уже не воспринимается как глагольная форма, второй компонент аналитической конструкции выступает как частица. Древние формы, сохраняющиеся в якутском языке, в тувинском вытеснены, перекрыты другими, что указывает на то, что здесь имел место процесс ретюркизации. В этом процессе важную роль играл древнейгурусский язык, с которым связано появление в тувинском языке причастия на *-jiq*, это причастие сохранилось в хакасском (*-чых*), тувинском (*-чык*) и тофском (*-чжык*) языках.

Также соотносятся в якутском, тувинском и тофском языках формы восходящие к причестию на *miš*: в якутском это полифункциональная форма причастия, а в тувинском и тофском – вторичные формы.

Другим аспектом сопоставления является структурный уровень: сопоставление отношений глагольных форм в рамках временных полей. Вводя понятие поля (“определенным образом организованное соотношение центральных и периферийных структур”), автор предполагает рассмотреть отношение только ядерных форм в том разрезе, в котором это отношение имеет значение для сопоставительного и исторического исследования.

А.М. Щербак [Щербак, 1981, 94] восстанавливает для праязыкового состояния тюркских языков следующую систему глагольных форм:

а) собственно глагольные формы:

- форма прошедшего времени (претерит) – **-miy ~ diy*;
- форма настоящего времени на **-a*;
- форма будущего времени на **-ka(j) ~ za(j)*;

б) “вневременные” формы:

- форма неограниченного во времени действия (аорист) – **-(a)p*;
- форма неограниченного во времени состояния (перфект) – **-кан ~ *зан* и **пыш ~ *быш ~ *-мыш*.

Б.А. Серебренников [Серебренников, 1956, 214] предлагал несколько другую схему:

- настояще-будущее на *-p*;
- настоящее без показателя;
- прошедшее на *-ды ~ -ди*;
- прошедшее на *-дык (-дик, -дук, -дүк)*.

На более поздней ступени, после распада единого праязыка, Б.А. Серебренников вводит и форму прошедшего результативного. Но и

в том, и другом случае "...весь ход последующего развития заключался в постепенном усложнении системы за счет образования новых форм, передававших модальные и видовые оттенки: настоящего конкретного, будущего категорического, прошедшего повествовательного неочевидного" [Щербак, 1988].

В Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков [СИГТЯ, 1988, 423] для позднепратюркского реконструируются претерит на **-du*, презенс на **-r* и **-a*, перфекты на **-yb* и **-an*.

Возможность передавать любое временное значение в любом языке формируется первоначально на лексическом и лексико-грамматическом уровне, и только потом, постепенно важнейшие из них перерастают в морфологические, грамматические категории. А. Вежибская образно назвала грамматику областью привилегированных значений. На грамматическом уровне путем естественного, логически закономерного отбора формализуются только самые важные для языка значения. Поэтому характер оппозиции между формами, в которой проявляются "привилегированные значения" является важным историческим источником.

Якутский противостоит другим южносибирским языкам тем, что в поле настоящего времени якутский имеет одну синтетическую форму с показателем *=a* для 1-го и 2-го лица и *=ar* для 3-го лица, тогда как южносибирские языки развили в поле настоящего времени оппозицию между настоящим общим и настоящим данного момента.

Якутский язык один из немногих тюркских языков, сохранивший для обозначения настоящего времени древнюю причастную форму на *=a*. Об отнесенности этой формы либо к древнетюркской, причастной форме на *na* либо на *=a*, либо на *=ar* существуют разные точки зрения. Парадигма настоящего времени в якутском языке смешанная: 1-е и 2-е л. имеет показатель на *=a*, 3-е – показатель на *=ar*. Ближайшим аналогом якутского языка по способу передачи значения настоящего времени оказывается татарский язык [Тумашева, 1986, 30–34]. В татарском литературном языке также представлена одна форма настоящего времени с показателем *=a* во всех трех лицах. Но татарский язык территориально примыкает к ареалу, где распространен показатель настоящего времени *=a* в значении настоящего общего. В этом ареале встречаются смешанные парадигмы, где в 3-м л. вместо показателя на *=a*, появляются показатели на *=at* или *=ady*. Возникает вопрос: не является ли показатель на *=a* в татарском языке и в других языках центрального ареала последним этапом стяжения аналитической конструкции аспектуального типа

=*a tur*=. Тогда можно предположить, что именно в 3-м л. сохранился полный вариант этой синтезированной формы. Существует и другая точка зрения на происхождение показателя =*at*, где он появляется не только в 3-м л. Н.З. Гаджиева считала, что этот компонент =*ды* или =*ады* связан по своему происхождению с показателем предикативности, который в некоторых тюркских языках присутствует в 3-м л., а на другие лица распространился по аналогии. Исходя из тех закономерностей образования вторичных синтетических форм, которые наблюдаются в тюркских языках Южной Сибири, более вероятной кажется первая точка зрения, так как в сибирских тюркских языках процессы образования формы настоящего времени на базе аспектуальных форм – это очень активные и живые преобразования. В тюркских языках Южной Сибири можно выделить несколько процессов передвижения аспектуальных форм в поле настоящего времени: аспектуальная конструкция =*a + tur*= с показателем времени на гласный, как правило, узкий. В наиболее полном виде эта конструкция сохранилась в тофском языке: =*адыры* [Рассадин, 1978, 35]. В других тюркских языках Южной Сибири этот показатель сохраняется только с бытийными глаголами в алтайском языке, в хакасском языке этот показатель, как правило, выпадает.

Форма =*адыры* присутствует во всех южносибирских тюркских языках: алтайском, шорском, тувинском, тофском, хакасском. Но место в системе формы уже различное. Она либо уходит на периферию временной системы, постепенно утрачиваясь, исчезая из языка. Этот процесс наблюдается в алтайском и шорском разговорном языках, где сочетаемость этой формы с глаголами очень ограничена. Либо, сохраняясь в языке, теряет свой статус центральной формы настоящего расширенного – хакасский язык. В тофском языке В.И. Рассадина указывает на две совершенно различные составляющие этой формы: настоящего общего и вторая семантическая составляющая этой формы с модальным значением. Особое модальное значение такой же тувинской формы позволило авторам тувинской грамматики назвать её настоящим заглазным временем. Такой термин был предложен Д.А. Монгушем, который уже в самом названии этой формы старался подчеркнуть отличие значения тувинской формы от соответствующих форм в хакасском и казахском языках [ГТЯ, 1961, 383]. Семантическая неопределенность этого показателя в тувинском языке заключается в том “в отношении рассматриваемой формы о “заглазности” действия можно говорить лишь условно, имея ввиду именно тот случай, когда говорящий судит о происходящем не на глаз, а на слух... заглазность в обычном смысле здесь исключена:

во всех случаях говорящий либо присутствует при совершении действия 2-е и 3-е л. ед. ч., либо сам его совершает – 1-е л. ед. ч.”.

Вторая форма, которая также может быть возведена к конструкции аспектуального типа =*a тур*= – это форма настоящего времени на =*aат* в алтайском языке. Н.П. Дыренкова определяла эту форму как настоящее общее, Н.А. Баскаков сдвигает ее в план будущего времени. В учебных грамматиках эта форма считается центральной формой настоящего времени в алтайском языке со значением настоящего общего и настоящего расширенного времени. В разговорной речи алтайцев она все чаще вытесняется формой также восходящей к конструкции аспектуального типа, но уже с другим деепричастным показателем и другим вспомогательным глаголом =*ын чат*=.

Как раз эта конструкция с показателем деепричастия на =*ын чат*= – это третья базовая форма образования настоящего времени в тюркских языках Южной Сибири. Образовалась она как форма настоящего данного момента, противопоставляясь по этому основанию форме на =*адыры* или =*ат*, которые приобрели значение настоящего общего и настоящего расширенного. Но в хакасском и шорском языках синтетический показатель, аффикс, образовавшийся при стяжении этой конструкции, сместился в центр поля настоящего времени и стал передавать значение настоящего общего времени, став главным показателем настоящего времени и в хакасском, и в шорском языках. А позицию настоящего данного момента стали занимать аналитические конструкции =*ын* + вспомогательные бытийные глаголы.

Экспансия форм настоящего времени, возводимых к вспомогательному глаголу *чат*=, не затронула тувинский и тофский языки, где базой настоящего времени продолжают оставаться аналитические конструкции на =*ын* + *тур*= с нулевым показателем настоящего времени или с показателем на =*ар*, которые противопоставляются как показатели настоящего общего и показатели настоящего данного момента.

Уже в древнетюркском языке глагол *тур*= вошел в систему вспомогательных глаголов, занимая третье место по частотности, после глаголов *э*= и *бол*=. Конструкции такого типа есть и в якутском языке. Это форма на =*ан турар*, которая омонимична так называемому третьему перфекту. Но в якутском языке эта форма еще не вошла в систему собственных временных показателей [Харитонов, 1960, 62–65].

Как уже было указано выше якутский в этом отношении противопоставлен всем южносибирским тюркским языкам. Вторая проблема при определении происхождения этой формы это вопрос – сохранил ли

якутский язык древний показатель настоящего времени или в якутском языке $=a$ происходит из $=ap$, формы древнетюркского аориста, в котором выпал конечный сонорный согласный.

Е.И. Убрятова считала парадигму настоящего времени в якутском смешанной, что вообще-то очень типично для тюркских языков, и привела доказательства существования в якутском языке древней полифункциональной причастной формы на $=a$, которая сохранилась в современном якутском языке только в одной функции – финитной.

Вторая точка зрения принадлежит Е.И. Коркиной, которая, опираясь на закономерности, присущие многим тюркским языкам: выпадение сонорных в финитной позиции, считает, что в якутском языке форма на $=a$ может быть возведена к форме на $=ap$.

Здесь хотелось бы остановиться как раз на этой фонетической закономерности: выпадении сонорных p и l в тюркских языках Сибири. Этот процесс характерен для многих языков. Н.К. Дмитриев, описывая его, использовал материалы туркменского, башкирского и других языков. Но наиболее последовательно выпадение p и l представлено в языках уйгурского круга [Дмитриев, 1955, 279]. В сибирских языках это явление наблюдается в диалектах хакасского и тувинском языке. В тувинском языке выпадение p совершенно закономерно происходит в интервокальной позиции: *кээр* вместо *келир*, *бээр* вместо *берир* [ГТЯ, 1961, 39].

Особенно интересно проследить эти изменения на материалах хакасского языка, т.к. в некоторых говорах появляется показатель будущего времени на гласный, который, скорее всего, восходит к показателю на $=ap$. Так, в бельтирском говоре сагайского диалекта вместо формы на $=ap$, употребляется только форма на $=a/=e/=i$ [Материалы ДАТЯС].

Некоторые сомнения, что форма восходит только к показателю на $=ap$ вызывают отрицательные формы этого показателя ($=a$ чок). Конечно, асимметрия положительных и отрицательных форм в тюркских языках почти закон, но появление вместо отрицательной форм $=bat$ (от $=ap$), особых отрицательных форм, заставляют задуматься о том, что, возможно, в хакасском языке сохранились, по крайней мере, следы формы на $=a$ в значении будущего, будущего желательного. Эти формы с такой семантикой представлены в современных диалектах узбекского и уйгурского языков.

Таким образом, по структуре поля настоящего времени якутский язык оказывается ближе всего к татарскому языку – языку кыпчакскому. Но, в то же время, такую же предельно простую систему настоящего времени имеет и язык орхонских текстов. Следовательно, якутский

язык, оказался в изоляции до того, как в систему временных форм стали активно втягиваться аспектуально-временные конструкции. Чем объяснить сходство якутского и татарского языков: 1) параллельное развитие, случайное схождение; 2) в кыпчакских языках сохранились многие черты, присущие др.т. языку. При анализе фонетических и лексических сходжений между якутским и кыпчакскими языками уже приходилось обращаться к тезису, что якутско-кыпчакским параллелям, как правило, соответствует наличие той же формы или наличие той же тенденции в языке древних памятников.

Структура поля будущего времени. Сводку различных точек зрения на происхождение форм будущего времени в якутском языке сделала Е.И. Коркина [Коркина, 1970, 52–61]. В том числе, она проанализировала и позицию Е.И. Убратовой, которая склонялась к точке зрения, что формы будущего времени на *-ya* и *-yah* восходят к разным показателям. Подробно историей, семантикой, парадигматикой этого причастия занимался Г.Г. Филиппов [Филиппов, 1999].

Разделяя позицию Е.И. Убратовой и Г.Г. Филиппова, в форме на *=ya* мы видим рефлекс древнего причастия на *=gi*.

А в форме на *=yah* показатель отглагольного имени на *=gak*, который в других функциях отмечается в языке Кодекс Куманикус, караханийском, османском и современном уйгурском [РНТФ, 466]. Г.Г. Филиппов сопоставляет якутскую форму на *=yah* с показателем *=gok* в чулымско-тюркском языке. Этот показатель был выявлен А.П. Дульзоном как форма будущего времени [Дульзон, 1966, 622]. Р.М. Бирюкович в своих исследованиях, проводимых преимущественно у представителей средне-чулымского диалекта, эту форму уже не обнаружила [Бирюкович, 1981, 57–62]. Отыменной причастный характер формы на *=yah* хорошо объясняет различия в семантике между формами на *=ya* и *=yah*, на которых останавливается Г.Г. Филиппов.

И.Н. Шерванидзе [Шерванидзе, 1986, 63–74], описывая систему времен в языке орхонских памятников, объяснял асимметрию форм настоящего, будущего и прошедшего краткостью доступных анализов текстов. Опираясь на типологические закономерности временных полей в индоевропейских языках он считает вероятным такое же симметричное построение временных полей и в древнетюркском языке. Но данные якутского языка показывают, что в др.т. языке асимметричная структура временных полей объясняется не только ограниченность языкового материала. Так как якутский язык также имеет очень простые структуры настоящего и будущего времени и очень сложную структуру времени

прошедшего. А.М. Щербак, реконструируя для пратюркского состояния систему времен с одним показателем в каждом временном поле, дальнейшее развитие временной системы определял как усложнение временных полей не только и не столько по временной оси, но и за счет различия между формами модального и аспектуального характера.

В тюркских языках базовое структурное противопоставление между формами будущего времени, развившееся в большей части тюркских языков, – это противопоставление между будущим предполагаемым и будущим обязательным. При использовании в качестве будущего предполагаемого формы на *=ar* в языках центральной и юго-западной зоны как будущее обязательное, формируются специальные формы на *=аджак*, *=асы* и др. Как раз к форме на *=аджак* еще В.В. Радловым возводилась якутская форма на *=ыах*. Но ареальный аргумент не позволяет принять эту точку зрения. Ареал формы на *=аджак* формируется достаточно поздно на территории, удаленной от территории Сибири; и форма не имеет соответствия в языках др.т. памятников. Она возникает достаточно поздно: XV–XVI вв., в основном в языках огузских, в западном ареале их обитания. Проникновение этой формы в кыпчакские языки связано, вероятно, с существованием огузо-кыпчакского объединения, существовавшего в X–XI вв. в Приаралье и в примыкающих к нему территориях.

Во всех несибирских ареалах форма на *=ar*, включенная в оппозицию будущее предполагаемое и будущее обязательное, занимает положение либо немаркированной формы, либо формы, маркированной наличием семы предположительности, возможности, но не обязательности, совершения действия в будущем.

Сибирские тюркские языки оказываются противопоставленными большинству тюркских языков других групп по типу маркированности формы на *=ar* в поле будущего времени; так как форма на *=ar* заняла позицию будущего немаркированного, противопоставляясь маркированным формам будущего предположительного и будущего возможного: форме на *=гу дез* (*=гудез*). Исключением, в какой-то мере, оказывается алтайский язык. Так как в алтайском языке позицию будущего обязательного может занимать форма на *=атан*. Н.А. Баскаков ставит в позицию будущего обязательного форму на *=ат*. Но при сборе языкового материала для Диалектологического Атласа тюркских языков Сибири практически во всех пунктах сбора была приведена форма на *=ar* с каким-либо лексическим уточнителем.

Вторым исключением является язык чулымских тюрков, в котором присутствует особая форма будущего обязательного на =лык. Эта форма восходит к более полному показателю =арлык. Такое будущее обязательное присутствует в карачаево-балкарском языке. Р.М. Бирюкович, изучая семантику и функционирование формы на =лык, установила, что оппозиция между формами на =ар и =лык проявляется очень редко, только в ситуации прямого противопоставления. Форма на =лык в чулымском языке более активная и постепенно вытесняет форму на =ар, занимая позицию будущего немаркированного [Бирюкович, 1981, 57–62]. Данные чулымского языка особенно интересны для якутского. Так как единственная форма будущего времени на =ыха (будущее немаркированное) имеет оппозицию, представленную формой, находящейся за пределами индикатива. Эта форма построена по той же модели, что =арлык. Это форма на =ыхаах – показатель причастия будущего времени + аффикс обладания; т.е. та же модель, что и в показателе на =ар=лык. Но в якутском языке этот не временная форма, а форма особого склонения (долженствовательное). Что это склонение, а не просто временная форма свидетельствует то, что оно представлено несколькими формами, отличающимися между собой по времени [Коркина, 1970, 207–219].

Следовательно, якутский язык, в отличие от южносибирских языков, потенциально обладает возможностью оппозиции будущего и будущего обязательного. Но второй член оппозиции находится за рамками индикатива. Особое положение в сибирских языках в формировании поля будущего занял тувинский язык, который форму на =галак сдвинул в позицию ближайшего будущего.

Структура поля прошедшего времени. Поле прошедшего времени во всех тюркских языках, как правило, наиболее сложно организовано.

Якутский язык противостоит всем сибирским языкам тем, что сохраняет древнетюркский перфект на =мыш. Для сопоставления привлекаются формы, относимые в грамматике якутского языка и в грамматиках южносибирских языков к группе перфективных форм. В якутском это форма на =быт + аффиксы первого типа, форма на =быт + аффиксы второго типа и форма на =ан турар=. Эти формы сопоставляются с южносибирскими формами на =ган и =нтыр.

Одно из названий древнетюркской формы на =мыш “заглазное время”, т.е. действие, за которым сам говорящий наблюдать не мог. Эта сема заглазости сохранилась в якутской форме “=быт + аффиксы 1-го

типа”, которая может рассматриваться как форма с эвиденциальной семантикой. В южносибирских языках эвиденциальная семантика представлена в форме =*нтыр*, структурным аналогом которой в якутском является форма на =*ан турар*=, не обладающая, однако, эвиденциальной семантикой.

Наличие в якутском языке формы “=*быт* + аффиксы 2-го” типа находит ближайшую аналогию в тофском языке, где также противопоставлены две перфектные формы: “=*ган* + постпозитивные личные частицы” и “=*ган* + аффиксы принадлежности”. Только в этих двух языках различие между двумя перфективными формами определяется разницей в личном оформлении. В якутском языке эту вторую форму рассматривают как результат стяжения конструкции “=*быт* + *эди* + личные аффиксы 2-го типа”. Это объясняет семантику якутской формы, но ставит вопрос об особенностях процессов стяжения аналитических конструкций в якутском языке, который требует отдельного анализа.

Исследование некоторых аспектов структуры временного поля в якутском языке показало:

1. Структура поля настоящего времени (единственный показатель) совпадает как с кыпчакским татарским языком, так и с формами, встречающимися в языке рунических памятников.

2. По форме выражения якутский показатель совпадает с татарским для 1-го и 2-го л. и с древнетюркским для 3-го л.

3. Якутский язык не использует механизма синтезаций аналитических конструкций аспектуального типа для пополнения форм настоящего времени. В якутском есть аспектуальная форма на =*ан турар*, омонимичная форме третьего перфекта, которая используется для обозначения действия, происходящего в момент речи, но в систему временных форм она еще не включена, чему, очевидно, препятствует семантическая структура формы на =*а*. Абсолютно аналогичная ситуация наблюдается в татарском языке. Но в диалектах татарского языка, например, в диалектах сибирских татар, широко применяются формы, восходящие к аспектуальным “*туровым*” формам.

4. Выделяемые параллели между якутским и кыпчакскими языками находят аналогию в языке др.т. памятников (см. наличие формы на =*а* в енисейских текстах).

5. Якутский язык, противопоставляясь всем южносибирским, все же ближе языку тофскому и тувинскому, в которых не используются синтетические производные от аналитических конструкций со вспомогательным глаголом *чыт*= и *лур*=.

Сопоставление систем причастных (атрибутивных) и финитных форм в тюркских языках Сибири.

Якутский язык

Причастие	Финитная форма
1. =быт	1. 1) =быт= – аффиксы второго типа; преждепрошедшее повествовательное время; 2) =быт= – аффиксы первого типа; прошедшее результативное время; 3) давнопрошедшее и прошедшее эпизодическое время.
2. =тах	2. Предположительное наклонение и условное второе наклонение (может употребляться как аналог формы на=ды, но в этом значении не включается в систему).
3. =быт=таах	3. Прошедшее эпизодическое время изъявительного наклонения.
4. =ар=даах	4. Настояще-будущее время долженствовательного наклонения; =ар=даах= – аффиксы первого типа.
5. =ыах=таах	5. Будущее время долженствовательного наклонения.
6. =ар / =ыыр	6. Настояще-будущее; =ар эди – прошедшее незаконченное.
7. =ыах	7. Будущее время изъявительного наклонения.
8. =аачы	8. Наклонение обычно совершаемого действия.
9. =а илик	9. Наклонение еще не совершившегося действия.
	10. Прошедшее эпизодическое второе (см. п. 3) =быт=ым баар.
	11. =ар=даах= – аффиксы первого типа. Прошедшее эпизодическое (см. п. 4).
	12. Прошедшее незаконченное (см. п. 4) =ар этим.
	13. Давнопрошедшее время (см. п. 1) =быт=этим.
	14. =быт=таах э=т=им, =ан турардаах этим, =быттаахтын э=тэ, =ан турар=даах=нын э=тэ и др.
Формы времени, не включающие причастных показателей	
	15. =а – настоящее время изъявительного наклонения (1-е, 2-е л. ед. ч.).
	16. =ыа – будущее время (входит в одну парадигму с =ыах).
	17. =т – прошедшее время.
	18. =ан тура= – афф. 1 типа прошедшее результативное.

Алтайский язык обладает системой, отличной от якутской по целому ряду параметров. Из семи причастных форм 5 – полифункциональны. И 5 из них – вторичного происхождения, образованные на базе причаст-

частных форм =гадый, =галак и аспектуально-временных аналитических конструкций: =атан и собственно аналитические конструкции. Не говоря уже о том отличии, что алтайский располагает другим набором базовых причастных форм (=ган), он развил совершенно другой механизм образования вторичных глагольных форм на базе аспектуально-временных конструкций =а тур=, =ып тур=, в северных диалектах =ып чат=.

Алтайский язык

Причастие	Финитные формы
1. =ган (только одна причастная форма прошедшего времени)	1. =ган (=га=м) – прошедшее 2-е
2. =галак	
3. =атан / =етен	3. =атан – будущее 2-е [Дыренкова 1940, 180] будущее прошедшее
4. =р / =ар	4. =ар=ым настояще-будущее
5. =гай	5. =гай – желательная форма
6. =гадый	
7. =ып дьат= тур= дьур= (отур=)	7. настоящее данного момента: =ып дьат= тур= дьур= отур=
	8. =ты=м – прошедшее 1-е
	9. =а=т – настояще-будущее повествовательное
	10. =ы /=у – настоящее время у бытийных глаголов
	11. =а=дыр=ым – настоящее незаконченное сокращенная форма =аат /еет
	12. =нтыр – прошедшее недостоверное, неожиданное

Близкий типологически, но отличающийся рядом очень существенных деталей тип глагольной системы представлен в хакасском языке. В отличие от алтайского, в нем полифункциональной остается форма на =галак. Сохраняется древнее причастие на =чан, объединяющее его с тофским языком и языком чулымских тюрок. Модель пополнения глагольных форм та же, что в алтайском. Пересекается и ряд форм: =адыр и =нтыр, построенных по модели =а=п + тур=. Хакасский язык втянул в сферу образования вторичных глагольных форм следующую сту-

пень преобразования: бытийный глагол *чат*= и втягивает (уже на уровне аналитической конструкции) в позицию настоящего данного момента вспомогательным глаголом *одур*= . По этим параметрам хакасский язык сближается с языком шорским и чулымско-тюркским языками.

Хакасский язык

Причастие	Финитная форма
1. =ган	1. =ган – давнопрошедшее время
2. =ар / =ер	2. =ар / =ер – будущее основное
3. =чан / =чен будущее с отгтенком долженствования	3. =чан / =чен – прошедшее обычное
4. =гадаг	4. =гадаг – предположительное наклонение
5. галах	5. галах – прошедшее неосуществленное
6. =ып чатхан (четкен, пчатхан)	6. =ып чатхан (четкен, пчатхан) – прошедшее определенное
	7. =ча / =че – настоящее основное
	8. =адыр / =едир – настоящее обычное
	9. =п =одыр тур= – аналитическая форма настоящего времени
	10. =ты / =ды – недавнопрошедшее время
	11. =птыр – прошедшее заглазное

Тувинский язык отличается как от якутского языка, так и от языков алтайского и хакасского. Обращает на себя внимание очень ограниченное количество причастных полифункциональных форм. Причем, две из них вторичные: =галак и =гу дег. Совершенно не используется ни якутский механизм образования новых причастных форм с аффиксом обладания, ни тот, который представлен в алтайском и хакасском, где в систему причастий вошли вторичные причастия, образованные на базе аналитических конструкций с видо-временной семантикой. В системе финитных глагольных форм эти конструкции уже присутствуют: форма на =а-дыр и форма на =птыр. А также аналитические конструкции настоящего времени, включающие показатель деепричастия на =ып и все 4 бытийные глагола. Наиболее частотным и абстрактным из них является глагол тур=, т.е. тот из глаголов, который втягивается в систему вспомогательных глаголов уже в древнетюркское время. Как можно видеть в таблице по якутскому языку, якутский также сформировал аналитическую глагольную форму по этой схеме: форма =ан турар аналог южносибирской формы на =птыр. Тувинский сохраняет древнетюркские и древнеуйгурские глагольные формы: =бышаан, =чык, =гу дег и,

в гораздо меньшей степени, чем алтайский и хакасский, развивает систему глагольных форм, складывающихся на базе аналитических конструкций. Как уже говорилось выше, процесс грамматикализации последовательно сопровождается процессом стяжения. То, что сами процессы стяжения не чужды тувинскому языку, показывает форма на =ывыт, которая в тувинском языке достигает максимума стяжения, проявляясь иногда как форма на =ыт [ГТЯ, 410]. Тувинский в этом отношении оказывается ближе к якутскому языку, чем шорский, алтайский, хакасский.

Тувинский язык

Причастие	Финитные формы
1. =ган	1. =ган – прошедшее неопределенное
2. =ар	2. =ар – настоящее-будущее время
3. =галак	3. =галак – будущее ожидаемое время
4. =гу дег	4. =гу дег – возможное будущее
	5. =ды – прошедшее категорическое
	6. =птыр – прошедшее мотивированное
	7. =чык – прошедшее риторическое
	8. =бышаан – прошедшее настоящее
	9. =п тур=, чыдыр=, олур=, чор= – настоящее конкретное
	10. =а=дыр= – настоящее мотивированное

Типы стяжения аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири и якутском. В тюркских и монгольских языках процессы образования стяженных вариантов аналитических конструкций имеют интенсивный характер. Вторичное синтезирование создает новый ряд аффиксов, что ведет к перестройке глагольных оппозиций, особенно в поле настоящего времени. Соотношение аналитических конструкций и образованных от них новых синтетических аффиксов в тюркских языках (в том числе сибирских) неодинаково. По-разному в разных тюркских ареалах протекают процессы синтеза. Эти различия могут быть базой для новой классификации тюркских языков, возможно для позднего этапа их развития.

В северных диалектах алтайского, хакасском, шорском настоящее общее образуют формы *V-n чат-ыр*, которые, перейдя из аспектуальных во временные, раньше обозначали настоящее данного момента. Сейчас в указанных языках они стали основной формой настоящего времени, вытеснив предшествующие им туровые формы. Стяжение аналитических конструкций в аффикс происходит по модели: *Tv [ып] – чат – [ыр]*

→ *-чат, -ча*. Опускаются грамматические показатели и у основного глагола, и у служебного. К основе основного глагола присоединяется основа (или ее часть) вспомогательного глагола. Другой тип стяжения мы видим в огузских языках при упрощении конструкций с вспомогательным глаголом *e-*: например, гагауз. прошедшее перфективное время: *-ardь < -ar edi*). Выпадает основа вспомогательного глагола, и к аффиксу, оформляющему основной глагол, присоединяется временной и личные показатели, оформлявшие вспомогательный глагол.

В якутском языке отсутствует стяжение сибирского типа. Но и при синтетизации конструкции со вспомогательным глаголом *э-* закономерности этого процесса отличаются от приведенных выше: элиминируется вспомогательный глагол, включая и грамматический показатель времени, остается только личный показатель, свойственный форме прошедшего времени на *-т*. Для тувинского и хакасского языков вспомогательный глагол *э-* не свойственен (он встречается только в составе частицы). В алтайском языке аналитические конструкции с *э-* не стягиваются: *мен барар эдим* 'я пошел бы'.

Можно сделать вывод, что, изоглоссы древнетюркских глагольных форм и новых вторичных синтетических или композитных глагольных аффиксов по разному делят территорию Сибири. Древнетюркские (орхонские) формы представлены как живые системообразующие показатели различных глагольных категорий (форма принадлежности 2-го лица мн. ч., причастные аффиксы и др.). В якутском языке, некоторые из этих форм, но находящихся на периферии соответствующих систем, сохраняются в тувинском языке. Более сложную картину дают формы, происхождение которых связано с языком древних уйгуров. По одним показателям (форма принадлежности 2-го л. мн. ч., рефлекс формы на *-juq* и т. д.) они противопоставляют якутский другим тюркским языкам Сибири, по другим (наличие форм на *-gu*.) объединяют их. Объединяет якутский и тувинский язык отсутствие вторичных глагольных форм, сформировавшихся на основе чатовых форм.

Результаты анализа ряда морфологических форм подтвердили гипотезу Е.И. Убрятовой о том, что на территории Сибири сначала распространился огузский древнетюркский язык, несколько позднее или даже одновременно с ним распространился древнеуйгурский язык, который, возможно, вступил во взаимодействие с древнетюркским, как язык родственный, тогда как все современные тюркские языки Южной Сибири кыпчакские; что современный киргизский язык по этим специфическим сибирским признакам относится к этой же группе языков, по-

звояет предполагать, что древний киргизский язык был кыпчакским и что он и явился источником кыпчакизации тюркских языков – явление хорошо известное в тюркологии.

Древнетюркская орхонская система является базовой для якутского языка, а в южносибирских языках представлена отдельными периферийными формами (якут. =*быт*, =*тах* < др.т. =*дук*, тув. =*бышаан*, =*дык*); с другой стороны, древнеуйгурские компоненты в якутском также занимают достаточно важное системное место. Из южносибирских языков в тувинском, тофском, возможно, и хакасском, они являются базовыми, а на Западе сибирского ареала (шорский, алтайский) их роль уменьшается. Тот факт, что в якутском древнеуйгурские формы сосуществуют с древнеорхонскими, являясь системообразующими (например, в поле будущего времени), можно интерпретировать двояко: либо эти два компонента имели примерно равный удельный вес при формировании скрещенного якутского языка, либо в формировании якутского языка принял участие тюркский язык, совмещавший черты, дифференцировавшиеся позднее в рамках древнетюркского и древнеуйгурского языков. В южносибирских же языках периферийность орхонских форм может объясняться либо их субстратным характером, с последующим вытеснением языком древнеуйгурского типа, либо их адстратностью, т.е. результатом контактного взаимодействия.

Сосуществование языков орхонского типа и уйгурского типа на территории Южной Сибири зафиксировано исторически. Но характер этих языков во всех локальных вариантах еще достаточно темен. Древнейшие уйгурские памятники, написанные на руническом алфавите, писались на общелитературном языке, которым пользовались и орхонские тюрки и древние уйгуры. Возможность вычленения древнеуйгурских и орхонских черт возможно не только и не столько на уровне противопоставления форм, сколько на уровне их функционирования в текстах.

В.М. Насилов выделял следующие отличия между орхонскими и древнейшими уйгурскими текстами:

Орхонские формы	Уйгурские формы
Имена	
I. Винительный падеж: <i>з, г, ыг/иг</i> ; иногда = <i>уз</i> / <i>үг</i> , = <i>ын</i> / <i>ин</i> присоединяются к аффиксам принадлежности.	I. = <i>з</i> / <i>г</i> , = <i>ыг</i> / <i>иг</i> , = <i>үг</i> / <i>үг</i> , = <i>н</i> / <i>ын</i> / <i>ин</i> / <i>ун</i> / <i>үн</i> ; встречаются формы винительного падежа с аффиксом = <i>ны</i> / <i>ни</i> .

<p>2. Дательный падеж: <i>қа/қ</i>; можно предположить, что существовали и формы = <i>қа/</i>=<i>зе</i> суда по напр. п. <i>за/ру</i> и сочетаниями пад. форм с аффиксами принадлежности <i>кун батсықыңа</i> (<i>батсыіқын</i> + <i>за</i>). Встречается форма =<i>а/</i>=<i>е</i>, особенно в енисейских текстах.</p>	<p>2. <i>қа/зэ, за/зэ</i>; после аффиксов принадлежности 2-го и 3-го лица имеет формы =<i>а/</i>=<i>е</i></p>
<p>3. Направительный падеж: =<i>зару/</i>=<i>геру/</i>=<i>чару</i> (после аффиксов принадлежности).</p>	<p>3. Форма направительного падежа столь характерного в древнейтюркских, буддийских и манихейских текстах почти отсутствует. Встречается лишь в наречиях.</p>
<p>4. Местно-исходный падеж =<i>да/</i>=<i>де</i>, =<i>та/</i>=<i>тэ</i> (после плавных согласных). В памятниках имеется единственное слово с аффиксом =<i>дан</i> для исходного падежа <i>кандан?</i> 'откуда?'. Нет аффиксального различия для выражения локативного и аблативного понятия.</p>	<p>4. Местный падеж =<i>да/</i>=<i>дэ</i>, =<i>та/</i>=<i>тэ</i>. Исходный падеж представляет отдельную морфологическую категорию =<i>дын/</i>=<i>дин</i>, =<i>тын/</i>=<i>тин</i>. В некоторых текстах =<i>дан/</i>=<i>дэн</i> ("н" диалект). "Однако в глагольных именах являющихся предикативным компонентом развитых подчиненных членов предложения, аффикс =<i>да/</i>=<i>дэ</i> сохраняет свое древнее недифференцированное значение..."</p>
Категория принадлежности	
	<p>В древнетюркских памятниках категория принадлежности выражена более определено чем в орхоно-енисейских памятниках.</p>
<p>1. Аффикс принадлежности 2 л. мн.ч. встречается редко: =<i>зыз/</i> =<i>ңыз/</i>=<i>зиз/</i>=<i>гыз</i>.</p>	<p>1. Аффикс принадлежности 2 л. мн.ч. =<i>ңыз</i> или =<i>ңлар</i>. В текстах, благодаря их религиозному содержанию, выражается аффикс мн.ч. для выражения почтительности: <i>улусуңузлар</i> 'ваши страны', <i>өтүгүңүзлер</i> 'ваши молитвы'.</p>
<p>2. 3 л. ед.ч. =<i>ы/</i>=<i>и</i>, =<i>сы/</i>=<i>си</i>, =<i>ын/</i>=<i>ин</i>, =<i>сын/</i>=<i>син</i> омонимы с винительным падежом. Аффикс принадлежности 3 л. выражает в основном релевантную связь одного предмета с другим и устанавливает грамматическое единство одного субстантива с другим.</p>	

<p>Это является подтверждением того, что определительное сочетание (релятивный изафет) в языке орхон-енисейских памятников был атрибутивной категорией. Наряду с релятивным изафетом употребляется и посессивный изафет, в котором определит. комп. оформл. притяжательными (родит.) падежами -ң (=ын/=ин).</p>			
Местоимение			
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
1) 1 л. <i>мен, бен</i>	<i>биз</i>	1 л. <i>мен</i>	<i>биз</i>
2 л. <i>сен</i>	<i>сиз</i>	2 л. <i>сен</i>	<i>сизлер, сиз, сизлер</i>
3 л. <i>ол</i>	не встречается	3 л. <i>ол</i>	<i>олар</i>
<p>Местоимение 3 лица <i>ол</i> чаще всего употребляется как указательное.</p>			
2) Указательные местоимения <i>бу, ол</i> .		<p>Указательные местоимения <i>бу</i> 'этот', <i>булар</i> 'эти'. <i>Ол</i> употребляется также в качестве личного местоимения.</p>	
Глагол			
<p>1. Слитное деепричастие: основа глагола + =у/=ү: <i>кылу</i> 'делаю', <i>йиту</i> 'погибая'. Другая форма этого деепричастия встречается у ограниченного числа глаголов: =а/=е. Встречаются варианты =ы/=и.</p>		<p>Основа глагола + =а/э, =у/=ү, =йу/=йү. Форма на =ы/=и для древнеуйгурской не характерна. Наречия: <i>тақы</i> 'повторять', <i>улаты</i> 'вместе', <i>түкэти</i> 'совершенно'.</p>	
Причастия			
		<p>В ранних уйгурских памятниках в системе глагольного имени много общего с орхонскими. Однако грамматические особенности некоторых глагольных имен составляют специфику древнеуйгурского языка.</p> <p>В древнеуйгурских памятниках очень заметно убывает синтаксическая функция глагольных имен на =дук в противоположность их роли в орхон-енисейских памятниках и возрастает синтаксическая функция глагольных имен на =мыш.</p>	

<p>1. =дук, =тук Три грамматические значения: 1) выражает атрибутивные признаки определяемого слова; 2) принимая аффиксы падежей, принадлежности и сочетаясь с послелогом образует подчиненные развитые члены предложения. Субстантивированный компонент является как бы потенциальным сказуемым. Сказуемое придаточного предложения, сказуемое главного предложения (=значения личных глагольных аффиксов). В памятниках представлена лишь безаффиксальная форма 3 лица: <i>Итүнү йаратуну умадук йана ичикмиш</i> (КТб); 3) прошедшее результативное.</p>	<p>1. =дук выступает чаще всего в различных падежных формах и образует предикативные компоненты развитых членов предложения. Встречается и в определительной роли. С послелогом выражает обстоятельственные категории. Редко – в предикативной позиции.</p>
<p>2. =мыш в языке орхонских памятников выражает главным образом значение адъектива и является причастной формой в определительных словосочетаниях. Крайне редко в значении субстантива. В предикативной позиции употребляется часто. Прошедшее историческое повествовательное время.</p>	<p>2. Получает широкое распространение и вытесняет форму на =дук в ходе развития литературного языка и разговорной практики.</p>
<p>3. =тачи/=тэчи/=дачи является выражителем настояще-будущего времени. В орхонских памятниках встречается главным образом в предикативной позиции, в енисейских есть случаи полной субстантивации. Возможное будущее: <i>өлүртечи</i></p>	<p>3. Употребляется ограниченно. По семантике ближе всего к субстантивному понятию, выражающему потенцию проявления, присущего действующему лицу. Точнее назвать его потенциальным <i>nomen agentis</i>. см. =мыш и =дук.</p>
<p>4. см. =мыш</p>	<p>4. =йук встречается в памятниках буддийского и манихейского содержания. Выступает в субстантивном и адъективном значениях и выполняет функцию <i>verbum finitum</i> в предикативной позиции. Между этой формой и формой на =дук много общего. Возможно, это йскающий вариант аффикса =дук.</p>
<p>5. =зма/=зме (в определительных сочетаниях) <i>ил, виригме теңри</i> КТб).</p>	<p>5. =зма</p>

	6. <i>злы, злы</i> семантически близко к имени на <i>зма</i> с его адъективной направленностью.
7. <i>-s⁰q</i>	7. <i>чи (чилик)</i> широко распространен в древних памятниках, в чагатайском, сохраняется в современном уйгурском. Значение: субстантивное и может принимать адъективное. В предикативной позиции выражает долженствование и потенциальную возможность <i>өзгү кутрулгу йол</i> 'путь ведущих к спасению'. Очень распространена производная форма на <i>=зулук</i> , которая выражает долженствовательную и потенциальную возможность. "Мунтада адын тақы өңи аш ичкү йоқ ким бу алаңурмыш ач барсыз тиргүргүлүк" – тип тиди 'Эту ослабевшую голодную тигрицу, чтобы можно было оживить (<i>тиргүргүлүк</i>), никакой еще другой, кроме этой, пищи и питья нет – сказал'.

[Насилов, 1960, 1963].

Из таблицы видно, что на уровне различия форм, о противопоставлении можно говорить о форме на *=йук*, которая представлена в уйгурских текстах, и формах *=зу*, *=зулук*, которые свойственны именно уйгурским текстам. В других случаях, как с формой на *=мыш*, можно говорить о большей или меньшей частотности употребления форм, о большей или меньшей широте их функций.

Якутский язык унаследовал такую собственно уйгурскую форму, как форму на *=зу*, которая стала ядерной в поле будущего времени. Этот древнетюркский слой оставил следы в языках южной Сибири, преимущественно в тувинском и тофском, в виде следов таких форм как *=мыш* (деепричастие *=бышаан*) и *=дук* (*эртик*). Наличие таких "орхонских" форм на территории Тувы тем более интересно, что присутствие древних тюрков на территории Тувы подтверждается историческими исследованиями. Савинов считает, что древние насельники Тувы – чики – относились к древним тюркам [Савинов, 1978, 209–225].

Древнетюркский слой на территории Южной Сибири перекрывается каким-то мощным уйгурским влиянием. Этот уйгурский язык, который воздействовал на южносибирских тюрков, но влияние которого уже

избежали якуты, принес в тувинский и хакасский языки особую форму принадлежности 2-го л. мн. ч. =*ңлар*, которая не отмечена в якутском. Вытеснил форму на =*дук* формой на =*јук*. И под влиянием этого языка, вероятно, в тувинском языке сформировалась падежная система уйгуро-кыпчакского типа. Этот тип выделен в работе Г.Ф. Благовой как один из четырех основных типов падежных парадигм в тюркских языках. Якутская падежная система не вписалась ни в один из этих четырех признаков, проявляя, вопреки мнению В.В. Радлова, черты не новейшей, а древнейшей падежной системы [Благова, 1982, 43–56]. Вероятно, с этим же уйгурским влиянием связаны такие фонетические закономерности, свойственные тувинскому и хакасскому языку, как выпадение плавных *л* и *р*. Это явление очень характерно для современных диалектов уйгурского языка.

Таким образом, точка зрения Е.И. Убрятовой, согласно которой якутский язык формировался под влиянием древнетюркского языка орхонского типа, находит подтверждение.

Как можно определить тот первый уйгурский слой, который отразился и на якутском, и на южносибирских языках. Здесь снова встает вопрос о различиях между языком разных рунических памятников, в том числе, и относящихся, по политическим и этническим характеристикам, к орхонским тюркам. Различия между языком памятника Бильге Кагану и Кюль-Тегину неоднократно подчеркивалась Е.И. Убрятовой, С.Е. Маловым и другими исследователями. К очень интересному заключению пришел В.Г. Кондратьев: по языку некоторые рунические тексты, принадлежащие древним тюркам, сближаются с языком уйгурских рунических памятников.

По особенностям фонетики и грамматики памятник Тоньюкуку сближается с языком памятника Моюн-Чуру. В.Г. Кондратьев выделяет две группы памятников – собственно тюркютский (Кошо-Цайдамские памятники) и уйгурский (Тоньюкук, Онгинский и памятник Кули-Чуру) [Кондратьев, 1970, 65].

Вероятно, языковая дифференциация в период III–VIII веков имела другой характер, нежели в IX–XI вв. – времени, когда были записаны большие уйгуроязычные тексты. Так что можно предположить, что тот древний тюркский язык, который лег в основу якутского, включал черты, которые позднее стали признаками разных тюркских языков. Этот язык был распространен и на территории Южной Сибири. Позднее он был вытеснен уже новой волной древнего тюркского языка собственно уйгурского типа, под влиянием которого сформировались указанные

выше фонетические особенности, и который внес в тувинский язык уйгурские формы, не представленные в якутском.

Следующий тюркский языковой тип, перестроивший языковую систему южносибирских тюркских языков и оказавший влияние на якутский язык – это язык древних кыргызов. Именно с этим языком связано становление языков кыпчакского типа в Южной Сибири. В якутском языке он представлен формой на =а илик. В Южной Сибири можно выделить еще один кыпчакский слой. Его влияние проявляется в алтайском, шорском, чулымском и хакасском языках, не затрагивая ни язык саянских тюрков, ни якутский. Это волна, связанная с формированием вторичных глагольных форм (финитных и причастных) на базе аспектуально-временных конструкций с вспомогательным глаголом =чат / =чыт.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюкович Р.М.* Морфология чулымско-тюркского языка. Часть 2. Саратов: Изд-во СарГУ, 1981.
- Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982.
- Дмитриев Н.К.* Неустойчивое положение сонорных р, л, н в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I Фонетика. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 279–281.
- Дульзон А.П.* О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // Вопросы языкознания и диалектологии. Вып. 1. Томск, 1966.
- Дырленкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
- Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970.
- Кормушин И.В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М.: Наука, 1984.
- Насилов В.М.* Древнейугурский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
- Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
- Савинов Д.Г.* Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков // Тюркологический сборник-75. М.: Наука, 1978. С. 209–225.
- Серебренников Б.А.* Проблема глагольного вида в тюркских языках // Координационное совещание по грамматике тюркских языков 24–25 сентября 1956 г. в Алма-Ате / Тезисы докладов. Алма-Ата, 1956. С. 3–6.
- Тенишев Э.Р.* Грамматический очерк древнейугурского языка по сочинению "Золотой блеск". АКД. Ленинград, 1953.
- Тумашева Д.Г.* Татарский глагол. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986.
- Убрятова Е.И.* Исследование по синтаксису якутского языка. Ч. II. Сложное предложение. Новосибирск: Наука СО, 1976. Кн. I; Кн. II.
- Филиппов Г.Г.* Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. АДД. Якутск, 1999.
- Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Шерванидзе И.Н.* Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси, 1986.

Шукуров Ш. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. АДД. Ташкент, 1974.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука, 1981. 183 с.

РНТФ – *Philologiae Turcicae Fundamenta*, Т. 1. Wiesbaden, 1959.

ГТЯ, 1961 – Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

ДАТЯС – *Диалектологический атлас тюркских языков Сибири*. Рукопись.

КТб – Большая надпись памятника Кюль-Тегина

МК – Махмуд Кашгарский по изданию Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Т. 1. Тошкент: Фан, 1960.

СИГТЯ – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков*. Морфология. М.: Наука, 1988.